

УДК 947

**СВОБОДА ЛИЧНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА
(В ОЦЕНКЕ РУССКОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)**

©Протасова О. Л., SPIN-код: 3562-1950, канд. ист. наук, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

**A FREEDOM OF THE INDIVIDUAL AS THE CRITERION OF SOCIAL PROGRESS
(in the assessment of Russian neo-populism the first quarter of the XXth century)**

©Protasova O., SPIN-код: 3562-1950, Ph.D., Tambov State Technical University, Tambov, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отношение российских неонароднических партий — социалистов-революционеров и народных социалистов — к проблеме прав и свобод личности, которую они считали полноправным субъектом социальных взаимодействий и основой для построения социалистического общества. Показано, насколько значительное место уделяли в своих программных и тактических установках деятели этих партий принципам демократии, гуманизма и добра, и как в своей политической практике они совмещали страсть общественной борьбы и строгие нравственные императивы. Основные методы исследования: анализ, синтез, биографический метод, аналогия, сравнение.

Abstract. The article analyzes the attitude of Russian neo-populist parties — socialists-revolutionaries and people's socialists — to the problem of rights and freedoms of the individual, which they considered a full subject of social interactions and the basis for building a socialist society. It is shown how much the leaders of these parties devoted to the principles of democracy, humanism and good in their program and tactical settings, and how they combined the passion of public struggle and strict moral imperatives in their political practice. Main research methods: analysis, synthesis, biographical method, analogy, comparison.

Ключевые слова: свобода личности, политические партии, демократический социализм, либерализм, социалисты-революционеры, народные социалисты, этика в политике.

Keywords: individual freedom, political parties, democratic socialism, liberalism, socialists-revolutionaries, people's socialists, ethics in politics.

Свобода человеческой личности, ее всестороннее развитие — факторы, необходимые для роста уровня народного правосознания и, следовательно, для общественного прогресса. Поэтому в идейных построениях ведущих политических партий России с начала XX в. пункт о проблеме личности, реализации ее прав и свобод, хотя в различной форме и степени, но обязательно присутствовал. Такой «микросоциологический» подход в масштабах

грандиозных перемен, перед которыми оказалась Россия в начале XX века, понимался и признавался отнюдь не всеми политическими силами — в то время чаще оперировали понятиями «классы», «массы» и т.п. Однако подлинный демократизм не призывает пожертвовать «частью» (личностью) ради «целого» (больших социальных групп), твердо настаивая на неразрывности и взаимозависимости этих социальных субъектов.

Большевики, как известно, даже во внутривнутрипартийных делах жертвовали свободой (личностной, идеологической, экономической и пр.) ради дисциплины, централизма и, в конечном счете, диктатуры. Иное дело — представители демократического социализма — неонародники, в начале XX в. организовавшиеся в партии социалистов-революционеров и народных социалистов, уделявшие большое внимание проблеме личности, а также этики в политике. В этом позиции российских либералов и демократических социалистов имели сходства гораздо больше, чем различий.

Фактически общим стартом российских либералов и социалистов демократического толка, стоявших на неонароднических позициях, до окончательного размежевания их по разным политическим партиям, была «освободительная» деятельность. Журнал «Освобождение», совместная деятельность во имя достижения общей цели сблизил друг с другом либеральных земцев, бывших «легальных марксистов», «экономистов» и наиболее умеренных народников. Однако попытка создать единую организацию конституционалистов в 1903 г. не увенчалась успехом, так как вскоре выяснилось, что правые конституционалисты из земцев не желают объединяться с левыми и вообще неземскими деятелями. Были образованы отдельные организации: Союз земцев-конституционалистов, куда вошли правые и часть центра, и «Союз освобождения», объединивший левых и центр. «Союз освобождения» проявил себя куда более активно. Его платформа, выработанная в сентябре 1904 г., включала требования замены самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов, права национального самоопределения, свободы развития для всех народностей и т.д. [1, с. 37-38]. Начало деятельности этой организации совпало по времени с русско-японской войной.

Отношение к войне стало своеобразной лакмусовой бумагой для российского общества, выявив его настроения, заострив отношение разных его сегментов к внешнеполитическим мероприятиям правительства. Под приливом патриотических чувств временно поутихли оппозиционные настроения либералов. Однако не все одобряли возобладавшие в организации шовинистические настроения. Так, правый народник А. В. Пешехонов, до того времени весьма активный «освобожденец», вышел из состава ее Совета. Пешехонов считал войну несовместимой с государственными интересами России, написав ряд статей, в которых содержалось требование прекратить бессмысленные военные действия и перенести внимание на внутрироссийскую политическую арену. «Я ищу идею, во имя которой мы должны «сокрушить Японию», чего бы нам это ни стоило... Теорию беспощадной войны ни одна из них выдержать не в состоянии» [2, л. 5], — возражал Пешехонов Д. И. Менделееву, усмотрев в выступлении знаменитого ученого с поддержкой внешней политики российского правительства неприятную агрессивность и этнический шовинизм.

Помимо политических, войной вскрывались и «человеческие» чувства. Неудачи военной кампании, огромные людские жертвы, поглощаемые войной, гигантские материальные затраты, совершаемые во имя неизвестной цели, резко изменили отношение к внешней политике самодержавия в российском обществе. Однако пораженческие настроения не были присущи либеральному и правонародническому «кластеру»; крепкий этатизм этой группы политиков выдержал испытание неудачной войной, удовольствия от поражений и

унижений России никто из них не чувствовал, а критика власти и ее действий с их стороны была острой и нередко весьма жесткой, но практически всегда конструктивной.

Они не могли разделять позицию, например, меньшевика Л. Мартова, который, подсчитывая убытки России от русско-японской войны, не без удовлетворения констатировал, что ее неудачи идут на пользу революционному движению [3, л. 7]. Как марксист-«классик» Мартов не мог сожалеть о столь благоприятных условиях для развития революционного потенциала и, хотя он не был столь же циничен, как Ленин, и не декларировал откровенно своего пренебрежения к морали, заострять внимание на столь излишней для революции материи он тоже не собирался. Человеческие бедствия, как явственно следует из многочисленных марксистских публицистических материалов – необходимые поленья для революционного костра, удобрение для почвы, на которой взрастет революционное сознание русского пролетариата. Правые марксисты подчас словно стеснялись обращаться к общечеловеческой тематике, чтобы не показаться сентиментальными, мягкими, «несовременными». При этом в частной жизни они в основном старались следовать нравственным законам. Впрочем, и сам Карл Маркс, воспевавший насилие как повивальную бабку истории, отделял свою реальную жизнь от того, что создавал на бумаге.

Абсолютно иным был подход к «человеческому измерению» у народников и кадетов. Несмотря на революционный пыл, эсеры, как мы увидим, постоянно обращались к теме личности, человека, морали – универсальных ценностей, которые имеют непреходящее значение для любого демократа. Для умеренных эсеров, народных социалистов и кадетов личность – важнейшая социальная «субстанция», первооснова для построения пусть не совершенного (где оно, совершенство?!), но высокоразвитого, справедливого общества.

«Истинный либерализм требует всестороннего развития личности в самом широком ее своеобразии, во всех ее проявлениях. Наша партия отстаивает начала свободы личности, для всякой личности, и потому она демократична» [цит. по: 4], — писал П. Б. Струве, начинавший свою политическую карьеру как легальный марксист, т.е. демократический социалист, а затем ставший либералом – кадетом. Такая естественная эволюция одного из ведущих идеологов левоцентристского направления в политической мысли России доказывает близкое родство идейных течений, грань между которыми иногда словно вовсе исчезает.

В 1906 г. в России появилась количественно небольшая, но весьма заметная, энергичная и достаточно авторитетная политическая партия, деятелей которой называют «либеральными народниками» (или «неонародниками») — партия народных социалистов. Некоторые исследователи, правда, находят само словосочетание «либеральные народники» некорректным, так как «либерализм и народничество — доктрины, полярные в своей основе: либерализм ориентирован на индивидуализм личности, конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, а народничество на первое место ставит коллектив личностей, ...обеспечение достойных условий существования всех членов общества» [5, с. 31]. Однако, на наш взгляд, либерализм и тот демократический, эволюционный социализм, который исповедовали последователи правого неонародничества в первой четверти XX в. — вовсе не взаимоисключающие понятия. Дело здесь не только в эволюционных тактических установках по поводу политической борьбы, которые разделяли, скажем, либералы кадеты и социалисты энесы. В ряде программных ценностей тех и других были общие черты, и в первую очередь — вопросы свободы личности. Главное место в социалистическом обществе, перспективы которого намечали в своей программе народные социалисты, занимал не класс,

не партия, а именно человек. Интересы личности, первичной «единицы» субъектов социального взаимодействия не должны растворяться в «классовом», «всеобщем» и тому подобном групповом благе. Такой «социализм с человеческим лицом» был непривычен для русского освободительного движения с его суровым восприятием индивида непременно как части сообщества, коллектива. Поэтому далеко не все и не сразу всерьез восприняли как полностью социалистическую эту концепцию правых народников, посчитав ее расположенной «на линии» либерализма. Тем не менее энесы были самыми настоящими социалистами, в полном смысле слова демократическими, и доказывали это своей политической практикой, в которой они, подчас в ущерб утилитарным партийным интересам, были выше теоретических схем, твердо следуя принципам гуманизма и добра [6, с. 81].

Ни один социалист не станет рассматривать личность в отрыве от общества: человек и общество неразделимы. В будущем обществе социальной справедливости каждый человек добровольно и сознательно будет вносить свой вклад в прогресс – трудиться, ведь «лишь трудящаяся личность может быть суверенной» [7, с. 14-15], — заявляли теоретики партии.

Права личности, политические свободы и политическая демократия были важнейшим элементом идейной конструкции партии социалистов-революционеров. Лидер эсеров В. М. Чернов провозглашал: «Свобода, личные права, самоуправление — все, совокупность чего мы зовем демократией — с нашей точки зрения... суть самостоятельные и полноценные культурные ценности. Без них социализм — то же, что организм, из которого вынули душу. Социализм без общественной и личной свободы — не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга» [цит. по: 8, с. 44]. А в 1922 г. на процессе социалистов-революционеров член ЦК ПСР А. Р. Гоц заявлял своим судьям-большевикам: «Свобода — это душа социализма, это — основное условие деятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность... перережете, тогда, конечно, от самостоятельности масс ничего не останется и тогда уже лишь прямой путь... к теории о непросвещенных темных массах, которым вредно слишком много соприкасаться с политическими партиями, могущими их, неопытных, неискушенных, сбить, увлечь за собою... в такое болото, из которого они, бедненькие, никогда и не вылезут» [цит. по: там же]. С этими словами созвучны выдержки из мемуаров А. Ф. Керенского: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений» [9, с. 370].

По мнению правого эсера М. В. Вишняка, дожившего до середины 1970-х гг., советский строй был изначально обречен потому, что он «стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинством человека и его первейшим правом — правом на жизнь...» (<https://goo.gl/y7itMB>). Вишняку вторил В. М. Чернов, утверждавший, что «у социализма нет проблемы более сложной и глубокой, и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социалистическом обществе... . Гуманность, человечность требует постановки Человека в центре всех вопросов морали и общественности» [11, с. 21-22]. Идеолог эсеров был убежден, что человеку как существу социальному необходима солидарность с другими людьми, и характер и степень этой солидарности соответствуют ступени общественного развития. Чем выше эта ступень, тем осознаннее и масштабнее человеческая солидарность. «Сочувственный опыт, — рассуждал Чернов, — в его соотнесении с личным... становится исходной точкой или психологическим источником морали» [12, л. 177]. В ежедневной практике личный интерес и требования солидарности могут сталкиваться, но примирить эти противоречия, по мнению Чернова, вполне возможно, если человек «поднимется на вершину моральной завершенности духовной индивидуальности» [там же]. Именно проблема нравственности, по убеждению эсера, во все

времена обсуждалась необычайно напряженно и не оказывалась настолько бесконечно сложной, чреватой коллизиями, перепутьями и тупиками. Отказ марксизма от обсуждения этой проблемы, признание ее мнимой народник назвал «капитуляцией ума».

Демократическая суть партии выявляется не только в программах и публичных высказываниях ее идеологов, но и в реальной, практической деятельности. Демократизм эсеров выражался, не в последнюю очередь, в отношении к тому, что мы привыкли называть свободой совести — партия отличалась философским плюрализмом и веротерпимостью в собственных рядах [8, с. 50]. Она не подчинялась догмам, «допускала большие различия мнений, философских взглядов, теоретических предпосылок. Она тяготела к широте, а не исключительности» [там же]. Эти качества резко отличали ПСР от большевиков — «партии нового типа». Значительная часть эсеров являлась приверженцами демократических принципов организационного устройства и готовность отстаивать их против властных претензий «центра».

Спустя три десятилетия после революционных событий 1917 г. эсеровский идеолог В. М. Чернов рассуждал в эмигрантском издании «За свободу»: «Социализм гуманности, гуманитарный социализм — или социализм экономического автоматизма (так виделся ему социализм, «построенный» к тому времени в СССР — *О.П.*) Второй без первого — ...социализм, из которого вынута самая душа его — свобода. Без свободы нет и не может быть вложенного в труд личного начала, и без него труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестает быть человеком во всем высоком значении этого слова, а превращается в живого робота» [11, с. 20]. По мнению Чернова, большевистский социализм являлся как раз «социализмом роботов. Коммунизм же как идеология, приобретшая культовый характер в СССР, виделась Чернову «русским самодержавием навыворот» [там же, с. 21]. В 1920 годы будущий прославленный на весь мир социолог П. А. Сорокин, член ПСР, написал: «Хочу верить, что история русского народа не кончена... Понесенные потери слишком велики, чтобы можно было отмахнуться от них с легким сердцем... Война и революция нанесли огромный *количественный* урон русскому народу. Но... гораздо страшнее *качественный* урон населения... История любого народа творится людьми. Одно направление она принимает, когда делающие ее люди биологически и социально-политически совершенны; другое — когда они в этих отношениях дефектны... Биологически ослабленное, оно и морально деградировано... Самоуверенный дилетантизм — худший вид невежества» [13, лл. 1,4]. П. А. Сорокину не внушало оптимизма умственное развитие молодого поколения эпохи военного коммунизма. По мнению социолога, «лучшие представители русского народа — самые здоровые, сильные умом, совестью, волей» [там же] — были утрачены, погибли в мировой и гражданской войнах, от голода и болезней.

Таким образом, в эсеровское определение социализма была введена подчеркнутая этико-гуманитарная нота о гармонически развитой, свободно развертывающей все свои творческие потенции, инициативной человеческой индивидуальности [8, с. 46-47]. «Я до сих пор считал этическим обоснованием социализма стремление рассматривать весь исторический процесс в его закономерном виде с точки зрения интересов человеческой личности, с точки зрения ее всестороннего и гармоничного развития, предполагающего торжество общественной солидарности» [14, с. 10], — заявлял В. М. Чернов. По мнению теоретиков эсеров, для настоящей «смычки», единения с народом, необходима этическая доктрина, которая будет понятна народу и актуальна для него. Поиск такой доктрины — дело весьма нелегкое, потому что в сознании российских масс издавна хаотически переплетались идеи религиозного смирения и вполне светского бунтарства, вольницы; установки

коллективизма, общинности, и в то же время индивидуалистические, собственнические инстинкты и т.п. Главное же — предложить такую идеологию, которая, не являясь примитивной, однако, будет проста и в своей простоте мудра, поскольку будет содержать как общечеловеческие истины и ценности, так и апелляцию к конкретным русским запросам, чувствам и интересам. «Нужно такое решение всей совокупности вопросов нравственности, личной и общественной, которое можно было бы вынести на улицу, предложить массам, народу взамен по-своему стройной старой системы моральных понятий и норм» [15, с. 66], — писал В. М. Чернов, подчеркивая, что, пока данная задача не выполнена, во многих отношениях любая партия самых искренних защитников народа будет простому человеку «более далека, чем представители так называемых религиозных исканий из современной интеллигенции» [там же]. Сложность этой задачи усугублялась тем, что социалистическая партия – организация исключительно рационалистическая и светская, и найти общий язык с народом, для которого откровенное безбожие является делом неслыханным, суметь воздействовать не только на его сердца, но и на умы — проблема тонкая и деликатная. Рационализм не был свойственен российскому простонародью (да и, как показывала популярность религиозной философии среди образованных людей империи, не только ему), поэтому обращение к разуму народа требовало особенно продуманной программной концепции. «Для нас нередко оказывается гораздо легче поднять православное население, по лени и косности продолжающее принадлежать к лону церкви и не мудрствовать лукаво о душе, смысле жизни, призвании человеческом... базируя на земельной нужде, тягости податей, произволе администрации» [15, с. 68], — признавались эсеры, понимая, что эта агитация имеет внешний и временный успех, не задевая глубин массовой психологии и не обновляя мирозерцания русского человека. Недостаток у социализма именно морально-этической платформы, своей и только своей, а не заимствованной эклектично из разных доктрин, по мнению многих его теоретиков, мешал продвижению этой идеологии в широкие массы. Созданная Марксом экономическая база социализма позволила завоевать множество поклонников, но моральное сознание большинства социалистов не имело такой же твердой, «материнской» основы, и последние искренне считали, что «социализм упраздняет этику, делает ее ненужной, что он по своей природе внеэтичен» [15, с. 74]. Между тем, характер общественной борьбы в России был таков, что нравственная притягательность движения придавала ему огромную силу. Эсеры создавали, что социалисты начала XX в. наследуют от своих героических предшественников-народников ореол подвижничества и мученичества, который мог, как магнит, притянуть отважных, «апостольски настроенных пионеров, нравственных ригористов и аскетов, проникнутых психологией первых веков христианства, жадной самоотвержения» [15, с.75]. В начале XX века социализм стараниями как марксистов, так и последователей народничества стал силой и одновременно модой. Чтобы обезопасить социалистическое движение от случайных или даже вредных для дела людей, подвижных настроениями, далекими от насущных целей и задач социализма, твердые его приверженцы полагали необходимым сконструировать и озвучить нравственный идеал, который должен привлекать в ряды революционеров самых сознательных, убежденных и верных, в результате чего «моральный остов идеала должен обрасти плотью и кровью, превратиться в общественно-политический идеал», который «станет содержанием практической воли» его носителей [15, с. 80]. Социализм представлялся им «величайшей нравственной силой современного общества», а борьба за его идеалы – держащейся «целиком на самоотвержении, на способности единичных личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастье своей родины» [16, с. 17].

Для деятелей демократического социализма было очевидным то, что «совместное созидание, хранение и приумножение суммы многообразных культурно-исторических ценностей приводит к развитию межчеловеческой солидарности», и «личный опыт каждого человека бесконечно расширяется приобщением к нему “сочувственного опыта”» [12, л. 177]. Такой опыт, эмоционально обогащая человека, в свою очередь становится источником морали: по мере развития человеческой эмпатии, происходит вытеснение «зоологических» инстинктов самосохранения эгоистическими, социальными. «Чем выше система нравственности, тем она универсальнее, так как стремится охватить моральной связью все человечество и даже требует гуманности к остальной живой природе [12, л. 179]. При этом учение об относительности всякой морали отнюдь не являлось исключительным «достоянием» марксизма, так как содержание нравственного компонента в жизненной практике человечества всегда отличалось текучестью, диалектизмом. «Самый образцовый семьянин и детолюб может вести себя по отношению к обществу, в котором живет, как его злейший и циничнейший вредитель» [там же], — замечал Чернов, рассуждая о путях морального совершенствования человечества. Он подчеркивал, что главное — не достижение абсолютного морального идеала, который в принципе недостижим, а поиск и бесконечное приближение к этому идеалу, перманентное развитие и совершенствование человека и общества на этом пути. Таким образом, наметив «конечную цель», движения по пути общественного прогресса, эсеры воспринимали ее не как абсолют, а как некий общий принцип, к которому нужно стремиться. Отношение умеренных социалистов (энесов в большей степени, но и многих эсеров тоже) к движению и цели не противоречило знаменитой бернштейновской установке. Этим и отличался социализм гуманный, демократический от радикального, представленного партией авангардного типа, для которой человеческие чувства, мораль, справедливость, если они не классовые, а всеобщие — лишь «дряблые хныкания» мягкотелых интеллигентов (<http://levoradikal.ru/archives/1163>). Либералы также предпочитали последовательность, эволюционность и рационализм на пути общественного прогресса всяческим потрясениям и скачкам и, в целом, признавали примат общечеловеческих ценностей над утилитарными политическими установками.

Таким образом, у русских социалистов-демократов и либералов, несмотря на существенные различия в характере и стилистике видения и изложения ими насущных российских проблем (у либералов он более философичен, академичен в силу социодемографических особенностей их главных идеологов, у социалистов — более прост, нацелен на потенциального читателя «из народа», хотя отнюдь не примитивен), равно внимательное отношение их к «человеческим» проблемам явно роднит их. Это обстоятельство позволяет думать, что в более благоприятных исторических условиях, чем в первые два десятилетия XX в., с течением времени ряд рабочих и программных противоречий демократических партий был бы преодолен, что открыло бы им путь к плодотворному парламентскому сотрудничеству и помогло становлению в России не конфронтационной, а консенсусной формы разрешения политических конфликтов, успешно практикующейся в странах гражданской культуры.

Список литературы:

1. Непролетарские партии России. Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.
2. НИОР РГБ. Ф.225. Картон 1. Д.3.
3. ГА РФ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 7.
4. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х — 1920-х гг.). Режим доступа: idn-knigi.narod.ru (дата обращения 22.05.2017)
5. Зверев В. В. Русское народничество: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. 286 с.
6. Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина, 1994. № 10. С. 76-81.
7. Пешехонов А. В. Программные вопросы. Пг: Задруга, 1917. 72 с.
8. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2014. С.37-56.
9. Керенский А. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 383 с.
10. Чернов В. М. «Истоки» // За свободу. 1947. № 18. С. 13-24.
11. ГА РФ. Ф. 5847. Оп.1 Д. 17.
12. ГА РФ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 2.
13. Чернов В. М. К обоснованию партийной программы. Пг, 1918. 82 с.
14. Чернов В. М. Этика и политика. СПб, 1911. 86 с.
15. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Издание Ревельского Комитета ПСР, 1917. 32 с.

References:

1. Neproletarskie partii Rossii. Urok istorii. M.: Mysl', 1984. 566 s.
2. NIOR RGB. F.225. Karton 1. D.3.
3. GA RF. F. 1696. Op. 1. D. 7.
4. Shub D. N. Politicheskie deyateli Rossii (1850-kh — 1920-kh gg.). Rezhim dostupa: idn-knigi.narod.ru (data obrashcheniya 22.05.2017)
5. Zverev V. V. Russkoe narodnichestvo: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo RAGS, 2009. 286 s.
6. Protasov L. G., Protasova O. L. Narodnye sotsialisty // Rodina, 1994. № 10. S. 76-81.
7. Peshekhonov A. V. Programmnye voprosy. Pg: Zadruga, 1917. 72 s.
8. Morozov K. N. «Partiya tragicheskoi sud'by»: vklad partii sotsialistov-revol'yutsionerov v kontseptsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii // Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sbornik materialov konferentsii. M.: izd-vo im. Sabashnikovyx, 2014. S.37-56.
9. Kerenskii A. Russkaya revolyutsiya 1917. M.: Tsentrpoligraf, 2005. 383 s.
10. Chernov V. M. «Istoki» // Za svobodu. 1947. № 18. S. 13-24.
11. GA RF. F. 5847. Op.1 D. 17.
12. GA RF. F. 636. Op. 1. D. 2.
13. Chernov V. M. K obosnovaniyu partiinoi programmy. Pg, 1918. 82 s.

14. Chernov V. M. Etika i politika. SPb, 1911. 86 s.

15. Chernov V. M. Konechnyi ideal sotsializma i povsednevnyaya bor'ba. Revel': Izdanie Revel'skogo Komiteta PSR, 1917. 32 s.

*Работа поступила
в редакцию 11.10.2018 г.*

*Принята к публикации
16.10.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. Свобода личности как критерий общественного прогресса (в оценке русского неонародничества первой четверти XX века) // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №11. С. 558-566. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/protasova-o> (дата обращения 15.11.2018).

Cite as (APA):

Protasova, O. (2018). A freedom of the individual as the criterion of social progress (in the assessment of Russian neo-populism the first quarter of the XXth century). *Bulletin of Science and Practice*, 4(11), 558-566. (in Russian).